

**«Налаживаю связь с границей
по поводу моего “Ял-Мала”»:
Письмо харбинского литератора Василия Логинова
к Михаилу Осоргину**

© 2024, И.Е. Лоцилов

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия

Благодарности: Работа выполнена в Институте филологии Сибирского отделения Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера», https://rscf.ru/prjcard_int?19-18-00127).

Аннотация: В статье рассматривается история книги рассказов забытого харбинского поэта, прозаика и журналиста Василия Степановича Логинова (1891–1945/1946?) «Ял-Мал», вышедшей в 1930 г. Используются описательный и историко-функциональный (рецептивный) методы исследования. В центре работы — публикация письма Василия Логинова к Михаилу Осоргину, где он отвечал на суждения Осоргина, высказанные тем по поводу впечатлений от книги в несохранившемся письме. В 1931 г. Василий Логинов целенаправленно занимался распространением книги в среде западной эмиграции. В приложении к статье публикуются также рецензии на книгу, появившиеся как в восточных (Харбин, Шанхай), так и в западных (Прага) эмигрантских изданиях. Выявлены упоминания книги в списках, поступивших для рецензирования в редакции эмигрантских изданий. Показано, что писавшие о книге критики невысоко оценивали давшую ей название антиутопическую повесть «Ял-Мал (Полуистлевшие письма в шкапулке)» и отмечали мастерство писателя при обращении к сибирской и уральской тематике. Рецензенты указывали на значимость обложки, на которой была воспроизведена картина Михаила Врубеля «Пан», и делали выводы о присущем писателю пантеизме и влиянии Кнута Гамсуна. Надежды автора на признание и широкое распространение книги не оправдались, однако ее судьба позволяет говорить о ней как о свершившемся «литературном факте». Внесено существенное уточнение в библиографию писателя: упоминание его книги «Харбин в стихах (Бытовые картинки)», изданной под псевдонимом «Капитан Кук», в парижском издании 1927 г. свидетельствует о ее более раннем, чем принято указывать (1932) выходе в свет.

Ключевые слова: Василий Логинов, Михаил Осоргин, русская эмиграция, русский Харбин, Сибирь, утопия.

Информация об авторе: Игорь Евгеньевич Лоцилов — кандидат филологических наук, PhD, ведущий научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Николаева, д. 8, 630090 г. Новосибирск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

E-mail: loshch@yandex.ru

Для цитирования: Лоцилов И.Е. «Налаживаю связь с заграницей по поводу моего “Ял-Мала”»: Письмо харбинского литератора Василия Логинова к Михаилу Осоргину // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 104–128. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-104-128>

Имя поэта, прозаика и журналиста Василия Логинова (1891–1945/1946) ныне почти забыто. Однако он оставил заметный след в истории литературной жизни русского Харбина. Елена Таскина писала:

С 1923 г. в течение 20 лет имя литератора старшего поколения Василия Степановича Логинова часто появлялось на страницах харбинской прессы — газет «Новости жизни», «Гун-бао», журнала «Рубеж», а также других изданий, в том числе и шанхайских. Он предстал перед читателями и как беллетрист, и как поэт, и как автор рецензий на книги, и как автор стихотворных фельетонов. Василий Степанович Логинов родился в 1891 г. в Екатеринбурге. В 1913 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В последующие годы жил в Екатеринбурге, публиковался в газете «Уральский край» — литературная деятельность привлекала его с юных лет. Ветры октябрьских событий понесли его на Восток — в Приморье, затем — за рубеж, в Японию и Маньчжурию. <...> Он был родом из состоятельной семьи уральского промышленника, но на эмигрантских дорогах ему пришлось встретиться с нуждой и одиночеством. <...> В 1930 г. в Харбине вышел сборник наиболее популярных рассказов В.С. Логинова «Ял-Мал» [39, с. 73].

Книга Василия Логинова «Ял-Мал» вышла в харбинском издательстве «Бамбуковая роща» в начале 1930 г. [15]. Издательство, выпускавшее книги в 1926–1930 гг., основал Всеволод Никанорович Иванов, в 1928–1930 гг. — редактор газеты «Гун-Бао», где активно публиковался Логинов. Книга снабжена посвящением «Надежде

Александровне Мюро» (о которой ничего неизвестно) и эпиграфом из стихотворения Валерия Брюсова «Просверк сеет Хронос» (1921).

Скорее, по издательскому недосмотру, чем намеренно, выходные данные книги противоречивы: на обложке, под аппликацией из врубелевского «Пана»¹, напечатано название «Ял-Мал», и, ниже: «Харбин 1930». На титульном листе — «Рассказы» (несомненный подзаголовок, но в библиографиях можно встретить описания, где это слово принято за основное название книги) и «Харбин 1929». В содержании (названном «Оглавлением») — 25 пронумерованных «рассказов» («Ял-Мал», «Басма», «Дитя природы», «Американец», «Под конем», «Золотой самородок», «Тройка», «Пан», «Озеро Кучак», «Сибирская охота», «Тавда», «Очий камень», «Евразиец», «Битва», «Психостения», «В минувшие дни», «В самом себе», «Чужой блокнот», «Кюдай», «Наблюдательный японец», «Окно», «Очарование», «Свеналд», «Семья Зарошиных» и «Правда земли»), среди которых встречается явно превышающее объем рассказа сочинение, давшее название книге («Царство Ялмал <sic> (Полуистлевшие

Обложка книги Василия Логинова
«Ял-Мал»
The cover of Vasily Loginov's book
“Yal-Mal”

Титульный лист книги Василия
Логинова «Ял-Мал»
The title page of Vasily Loginov's book
“Yal-Mal”

¹ В 1944 г. Логинов опубликует биографическую новеллу о художнике [20].

письма в шкатулке)»² и «пьеса из беженского быта» «Семья Заро-
шиных». В «Оглавлении» «Царство Ял-Мал» снова, как на обложке,
названо просто «Ял-Мал». Сборник рассказов на сибирские темы
(см.: [42]) окольцован фантастическими повествованиями («Царство
Ялмал» и «Правда земли», почему-то напечатанная без пагинации
[15, <с. 291–305>). Они, как показывают современные исследования,
связаны с проблематикой утопии, антиутопии и дистопии (см. об
этом: [7; 41]).

Ю.В. Шатин и И.В. Силантьев отметили, что Логинов «хоть
и ненамного, но все же хронологически опередил находки таких ма-
стеров антиутопии, как Евгений Замятин с его знаменитым романом
“Мы”. Это лишний раз показывает, что предощущение глобального
миромоделирования и жанровых сдвигов в литературе далеко не
всегда определяются мерой дарования и популярностью первопро-
ходцев» [41, с. 278]. В этой же статье точно сформулировано общее
впечатление современного читателя от его прозы:

При обращении к творчеству Василия Степановича Логинова,
прежде всего к его прозе, удивляет пестрота тем и мотивов, охва-
тывающая и зарисовки сибирской природы, и жизнь дальневосточ-
ной эмиграции, и недавнее прошлое предреволюционной России,
и сказания сибирских первопроходцев, и рассказ о судьбе Врубеля,
и еще многое другое. Такая пестрота свидетельствует о постоянном
и небезуспешном поиске своего творческого лица [41, с. 283].

Там же отмечено, тем не менее, что присущий прозе Логинова
«схематизм, далекий от проникновения в глубины человеческого
духа в произведениях Толстого и Достоевского, весьма напоминает
художественную манеру старших современников Логинова —
Леонида Андреева и Максима Горького периода рубежа веков»
[41, с. 282]. Укажем и более близкие параллели, хронологически
и топографически: повесть «Хохот желтого дьявола» Антона Соро-
кина (1914), который прямо называл свои произведения «схемами»
и «примитивами», повесть Вивиана Итина «Открытие Риэля» (1916),
легшая в основу его романа «Страна Гонгури» (1922), а также рассказ
Алексея Гастева «Экспресс. Сибирская фантазия», опубликованный
под псевдонимом «Дозоров» (1916).

² В новейшее время, насколько нам известно, повесть перепечатывалась
дважды: в труднодоступном китайском издании [21] и в сокращенной редакции
[22]. Здесь же указано на публикацию отрывков в выпусках от 25 ноября и 2 декабря
1928 г. харбинской газеты «Гун-Бао».

Елизавета Рачинская писала в 1959 г.: «Логинов, я считаю, писал лучше в прозе, чем в стихах. У него были прекрасные рассказы из сибирской и уральской жизни, часть которых вошла в его сборник “Ял-Мал”, который сразу обратил на себя внимание» [31]. Валерий Перелешин в написанной онегинской строфой автобиографической поэме назвал «Ял-Мал» «прославленным»:

Василий Логинов — ворчливый,
степенный и несуетливый,
писал рассказы. Я читал
его прославленный «Ял-Мал»
о пасмурном таежном мире
и чувствовал, что я и сам
блуждал по северным лесам,
провел зимовку на Таймыре,
где под нетающие льды
вели звериные следы

[29, с. 338].

В статье об Алексее Ачаире Перелешин назвал Логинова автором «отличных рассказов об освоении Урала и Сибири» [28]. В 1940 г. журналистка Евгения Сентянина (1897–1980), мать Перелешина, писала о Логинове в обзорной статье о литераторах города:

Он написал ряд чудесных сибирских и уральских рассказов, из которых часть вошла в книгу «Ял-мал». В этой книге целый ряд вещей следует поставить, с художественной точки зрения, на большую высоту. Они часто фантастичны, всегда романтичны, красочны и рисуют мало знакомый быт русских окраин [25, с. 236; 33].

В Харбине первый печатный отклик на книгу появился уже в марте 1930 г.:

Книга, — по своим достоинствам, — выдающаяся. Все рассказы, без исключения, читаются с захватывающим интересом, хотя в них совершенно отсутствует обычная шаблонная приманка, — сексуальность и интрига.

Интерес книги всецело создается проникновением автора в существо природы, отождествлении с ней и описанием ее чарующей власти над человеком.

Образец такой власти он дает в рассказе «Ял-Мал», где тайга покоряет человека, и, вместе, чарует его и дает ему бодрость и силы для преодоления препятствий.

Человек сливается с природой, наслаждается ее гармонией и красотой, борется и преодолевает препятствия, но, вместе с тем, чувствует, что он — часть ее, неотделим от нее в больших и малых ее проявлениях, и является соучастником ее вечного бытия.

Это — одна часть рассказов.

Другая часть — это, можно сказать, гимн промышленной предприимчивости в окружении и в атмосфере той же тайги и, вообще, сибирской природы.

Мощь этой природы, ее богатства и возможности создают особый тип промышленника, крепкого, неугомонного и предприимчивого.

Таков рассказ «Американец». Герой его создает различные предприятия и наслаждается своей творческой работой, находя, что это наслаждение вполне окупает все его труды и лишения.

К третьей группе рассказов относятся те, действие которых проходит в условиях городской жизни, но и тут человек неотделим от природы; она овевает его и покоряет своим велениям.

Темы этих рассказов разнообразны, но все они овеваны легкой дымкой потустороннего влияния. Но надо отдать справедливость автору, — он не злоупотребляет этой потусторонностью и держится в пределах возможного человеческой психики.

В общем, мы со спокойной совестью можем рекомендовать книгу г. Логинова своим читателям [34, с. 20].

Тем не менее, харбинский читатель, кажется, не последовал совету рецензента В. Сокольского. В интервью газете «Рупор» Логинов говорил, отвечая на вопрос «Чем вы заняты в данное время?»:

— Сейчас, — улыбается В. Логинов, — главным образом собственной невращенной и поисками места. Во всяком случае, ничего крупного я не пишу. <...> Пишу немного. Да и трудно много писать в харбинском июне. Налаживаю связь с заграницей по поводу моего «Ял-Мала».

— А как идет эта книга?

— В Харбине, конечно, неважно, — <...> для Харбина книга дорога. Сейчас, впрочем, она уценена. Однако, должен сказать, что, издавая ее, я рассчитывал, главным образом, на заграницу.

Там, особенно в Америке, она будет дешева. Из Парижа и Праги я уже получил хорошие сведения, связался и с американским изда-

тельством Гребенщикова. В общем, думаю, что «Ял-Мал» разойдется. Что же касается Харбина, то здесь по обстоятельствам времени, книгу нельзя было выпустить дешевле... [18, с. 223; 40]

Кажется, автор книги только на исходе первого года ее существования всерьез занялся, как бы мы сейчас сказали, ее «продвижением» на Западе. «Ял-Мал» Логинова присутствует в списке «Книги, полученные для отзыва» [10] парижской газеты «Возрождение» в конце января 1931 г., несколько дней спустя в аналогичном списке сообщение о книге публикует рижская газета «Сегодня» [11]. 24 февраля название книги снова появляется на страницах «Возрождения», в «Списке ном<ер> 3, книг, поступивших в библиотеку при газете “Возрождение”, после выхода основного каталога» [35]. Примерно тогда же книга появляется в «Списке новых книг, поступивших для отзыва в ред<акцию> “Соврем<енных> записок”» [37].

Парижская рецензия, однако, не состоялась: харбинское издание, вероятно, показалось редакторам «Современных записок» слишком небрежным и «провинциальным»³. Можно предположить, что она была поручена Михаилу Осоргину, но тот, вместо печатного отзыва, ограничился письмом к автору книги, которое было отправлено из Парижа в Харбин 20 августа 1931 г. Архив Логинова не сохранился, и письмо до нас не дошло. В архивном фонде Осоргина отложилось ответное машинописное послание Логинова, отправленное только в декабре⁴. Оно представляется важным документом для воссоздания замысла книги, а также интеллектуального и психологического облика ее автора (см. Приложение I).

Большой фрагмент разбору «Ял-Мала» посвятил в обзоре дальневосточной литературы О. Штерн (псевдоним Дмитрия Григорьевича Сатовского-Ржевского (1900–1944)):

...Из других, вышедших в Харбине «беллетристических» книг прежде всего хочется отметить «Ял-Мал» Вас. Логинова.

«Ял-Мал» — сборник, названный так по имени фантастической повести — единственной, сравнительно крупной, вещи среди мелких газетных рассказов. О подобном распределении материала можно пожалеть, ибо повесть как раз самое слабое, что есть в сборнике. В ней Вас. Логинов углубился в органически-чуждую ему сферу научно-фантастического романа приключений. Опыт этот нельзя

³ См. об этом: [32]. О другом неосуществленном проекте консолидации литературных сил русской эмиграции Запада и Востока см.: [30].

⁴ РГАЛИ. Ф. 1464 (М.А. Осоргин). Оп. 1. Ед. хр. 431. Л. 1–3.

признать удачным: в повести нет ровно ничего научного, фантастика ее тяжела, бледна и слишком неправдоподобна.

Не лучше обстоит дело и с «типажом», как говорят в СССР. Из всех персонажей «Ял-Мала» — живой человек только охотник Катукон, представляющий бытовой и этнографический элемент, в котором всегда так силен Вас. Логинов.

Это эпизодическое лицо не только «вывозит» всю экспедицию в фантастическую страну новых гипербореев, но, что еще важнее, попутно спасает и самую повесть. Если бы не присутствие этого сибирского охотника да нескольких прекрасных картин севера, она оставила бы довольно сумбурное и смутное впечатление. Но художественные «мелочи» эти и скрашивают ее, и позволяют без труда разглядеть характер несомненного дарования Вас. Логинова.

Мы умышленно остановились на недостатках «Ял-Мала», чтобы попытаться определить литературное «лицо» его автора. Вас. Логинов не «выдумщик», а правдивый, вдумчивый художник, тяготеющий к быту и фольклору сибирского Приуралья.

Здесь он всегда ярък, интересен, изобразителен и по-настоящему талантлив. У него острый и наблюдательный глаз, прекрасный запас необходимых знаний, любовь и тонкое чувство сибирской природы и быта. Когда дело касается сибирских типов, Вас. Логинов становится особенно красноречивым. Стиль его приобретает благородную простоту и лапидарность. Это писатель старой школы, ученик Мельникова-Печерского и Мамина-Сибиряка. Быт и природа — его Альфа и Омега.

Большинство рассказов сборника только укрепляют нас в этом мнении. Особенно хороши те из них, где быт и этнографический элемент выступают на первый план, временами почти совершенно заслоняя действие.

Здесь Вас. Логинов показывает себя не только тонким мастером, но и незаурядным стилистом. Такие рассказы как «Тройка» или «Озеро Кучук» можно назвать настоящим украшением сборника. В них есть нечто от Бунина. Здесь хорошо все: и изумительная передача сибирских типов, и благородная простота изобразительных средств, и артистическая тщательность рисунка,

Вот, например, «Тройка». Маленький, всего в несколько страниц, рассказ, передающий впечатление от бешеной скачки в «тарантасе». Это подлинный шедевр. При чтении его, положительно, захватывает дух, и так и хочется схватиться за шляпу.

Казалось бы, что нового можно сказать обо всем этом после знаменитой гоголевской «птицы-тройки»?

Но, вот Вас. Логинов нашел свои слова, и нам кажется, будто мы принимаем непосредственное участие в этом приключении.

И лихой новобранец Васька, и визжащий истошным голосом татарин и даже этот трусящий далеко позади на своей линейке урядник — «сделаны» так, как будто еще вчера мы видели их собственными глазами... [43]

Надежды Логинова на широкое распространение и признание его книги на Западе, судя по всему, не оправдались. Две рецензии, тем не менее появились: в Шанхае и в Праге (см. Приложения II и III). Б. Курбский отметил врубелевский образ на обложке («Здесь “Пан” действительно царит властно и реально, и некоторая риторичность фразы скрашивается чувством — всеохватывающей и природу, и человека — пантеизма» [13]). А М. Щербаков — видимо, по ассоциации с тем же образом — «здоровый пантеизм, напоминающий К. Гамсуна, вчувствование в голоса природы, некоторый налёт первобытной мистики» [24]⁵. Почти все писавшие о книге отмечали инородность повести «Царство Ял-Мал» и оценивали ее ниже, чем реалистические рассказы.

В заключение отметим, что европейские эмигрантские издания позволяют внести существенное уточнение в библиографию Логинова. Во всех библиографиях книжка его стихотворных фельетонов «Харбин в стихах (Бытовые картинки)», изданная под псевдонимом «Капитан Кук», отмечается как издание 1932 г. Однако это результат легко объяснимого недоразумения: единственный известный экземпляр, хранящийся в библиотеке Стэнфорда и происходящий из собрания Е.А. Якобсон (Жемчужной), снабжен инскриптом: «Миленькой Жемчужной, как знак благодарности за все милые хлопоты по устройству моего житья-бытья на даче “Санитас”. Василий Логинов, август 1932 год» [44, с. 313]. Дарительная надпись была сделана на книге, вышедшей много раньше: уже в анкете пражского журнала «Вольная Сибирь» в 1930 г. Логинов писал: «Издан небольшую книжку юмористических стихов-фельетонов — “Харбин в стихах”, под псевдонимом капитан Кук» [6].

Еще бóльшую определенность вносит просмотр «Современных записок», где «Харбин в стихах» присутствует в «Списке новых книг, поступивших для отзыва в редакцию» уже в 1927 г. [36]. Следовательно, книжка вышла не в 1932 г., а пятью или шестью годами ранее — в 1927 (или даже в 1926) г. [9].

⁵ О сибирских отголосках и вариациях на темы Кнута Гамсуна см.: [8].

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Василий Степанович

Логинов.

Харбин.

Отель «Эльдорадо», Участковая улица⁶.

16-ого декабря 1931 года

Многоуважаемый Михаил Андреевич.

Только сейчас отвечаю на Ваше любезное письмо от 20 августа с<его> г<ода>, которое я получил 23-ьего сентября.

Причина моего невежливого молчания заключается в чисто объективных условиях, независящих от меня самого.

Теперь эти «объективные» условия, кажется, кончились, и я в состоянии говорить и думать по-человечески⁷.

Вы мне делаете упрек в том, что мой «Ял-Мал», как утопия, построен на гиперболическом развитии техники и государственности.

По Вашему мнению это есть причины подавления человеческой личности. Возможно, что это и так — судя по последней статье Бердяева в «Современных Записках» там, у вас, на западе, торжествуют идеи какого-то христианского анархизма⁸.

Конечно, духовное начало, в особенности христианское начало, превыше всякой техники и государственности. Именно техника

⁶ В харбинском справочнике сведения о гостинице «Эльдорадо» приводятся на третьем месте после «первоклассных гостиниц» «Гранд-Отель» и «Модерн»: «“Эльдорадо”, гостиница в центре города, недалеко от вокзала. Адрес: Участковая ул., № 161. Тел. № 34—18» [38, с. 581]. В 1926 г. в адрес Василия Степановича Логинова указывался по-другому: «Больш<ой> пр<оспект> 103» [3, с. 309].

⁷ Почти все вспоминавшие о Логинове отмечали безалаберность, присущую его образу жизни: «Он был настоящий представитель богемы: служить нигде не хотел, да, вероятно, и не мог, жил журналистикой, временами впадая в горчайшую нужду, но философски переносил лишения и неудачи» [31]; «Ушибленный революцией, он вел богемный образ жизни не потому, что это ему нравилось, а потому, что он просто не умел зарабатывать на жизнь и как-то устроиваться» [46, с. 81]; «Подняться из мешан затеяв, / окончил университет, / но капитала не умножил, / а в беженстве остатки прожил, / в чем помогла ему жена, / и понемногу сполз до дна» [29, с. 338]. О Логинове в 1938 г. Всеволод Морозов вспоминал: «Сильно пил, не хотел систематически работать, был до предела “запущен” физически — такое впечатление, что он никогда не мылся — ходил оборванцем и вообще производил очень жалкое впечатление. Был культурен и талантлив как поэт, но все это шло прахом и не было определяющим в его жизни» (цит. по: [12, с. 122]).

⁸ Речь идет о статье Н. Бердяева «Основная антиномия личности и общества» [1].

и государственность привели нас к социализму, по-моему — величайшей пошлости, какая только есть на свете⁹.

Совершенно ясно, что духовное начало — это культура, а материальное начало, — это цивилизация, и что цивилизация значительно менее ценна для человечества, чем культура. Это даже сказывается в искусстве, не помню кто-то об этом писал: для цивилизационного апогея характерно футуристическое искусство, а для культурного взлета — искусство символическое, несомненно более тонкое, сложное и ценное, чем первое.

Но — дело в том, что мой «Ял-Мал» писался в 1919 году, в эпоху первого большевизма¹⁰. Я только что вырвался из лап большевиков на Урале, где находится у них на окопных работах в качестве одного из мобилизованных для всяческих издевательств «буржуя». И — вот, буквально пришибленный всем пережитым, я и написал эту утопию, в которой техника и государственность играют доминирующую роль.

Возможно, что я неправ, но после разных физических мучений, в особенности после полного сознания своего бесправия и бессилия, я вспомнил — и очень остро — что я воспитывался в понятиях правового государства, ибо учился в Петербургском Университете, слушал Максима Ковалевского, Петражицкого, и других апологетов государственности, в стиле английского парламентаризма¹¹ — столь модного тогда, если Вы вспомните.

Вот почему так и написан «Ял-Мал».

Я был бы Вам бесконечно благодарен, если бы Вы написали пару слов вообще о всей моей книге — мне чрезвычайно дорого именно Ваше мнение, писателя, который является, по моему мнению, носителем тургеневской традиции.

⁹ Вероятно, имеется в виду сочинение того же автора «Кризис искусства» [2].

¹⁰ Ошибка памяти автора письма. Повесть «Царство Ял-Мал», относящаяся к до-харбинскому периоду его творческой биографии, впервые была опубликована в уральской газете уже в 1918 г. [14]. В этой публикации повесть снабжена указанием «Посвящается М.К.» (в книге — «Памяти М.К.» [15, с. 3]) и эпитафией: «Нужно быть привычным жить на горах. Нитче» (в книге — «Ницше» [15, с. 3]).

¹¹ См. подробнее об университетском периоде жизни Логинова: [23]. Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) — историк, публицист, общественный деятель, социолог эволюционистского направления, основатель русской социологической школы. Лев Иосифович Петражицкий (Leon Petrażycki; 1867–1931) — российский и польский правовед, социолог, философ, депутат первой Государственной думы. Его памяти Логинов посвятил корреспонденцию в «Гун-Бао»: [17].

Фотография из студенческого дела Василия Логинова
(Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14.
Оп. 3. Д. 56640. Л. 2)

*Photo from Vasily Loginov's student file
(Central St. Petersburg State Historical Archive, coll. 14, inventory 3, dossier 56640, p. 2)*

Не знаю, послал ли Вам Ф.Ф. Даниленко мою статью о Вас¹², которая была напечатана в «Гун-Бао»¹³, где я работаю в качестве журналиста.

¹² Даниленко Федор Федотович (Федорович) (1875 – после 1946) — синолог, беллетрист, сотрудник «Гун-Бао».

¹³ Имеется в виду статья: [16]. Осоргин упоминался также в рецензии на выпуск XLIV (1930) парижского журнала («Осоргин написал большую статью о “Числах”»): [18].

Там именно и указывалось на Вас, как на носителя и продолжателя тургеневской традиции.

И мне было бы лестно знать Ваше мнение об моей книге. Здесь, на Дальнем Востоке, я работаю в харбинской прессе около восьми лет. Помимо «Ял-Мала», у меня подготовлены к изданию еще две книги — стихи, и критико-библиографические статьи¹⁴.

Сейчас издавать их, конечно, невозможно, в виду политических осложнений на Дальнем Востоке, а также грандиозной депрессии, которая захватила в свои цепкие руки наш богоспасаемый город Харбин.

События здесь все нарастают и ширятся, и что будет дальше — неизвестно.

Буду очень рад, если Вы сообразовите мне ответить на это мое письмо.

Глубоко уважающий Вас:

17 декабря 1931 года.

Василий Логинов

II

Михаил Щербаков

ВАСИЛИЙ ЛОГИНОВ. «ЯЛ-МАЛ». РАССКАЗЫ. ХАРБИН. 1930.

В нашей дореволюционной художественной литературе Сибири и связанные с ней темы были в каком-то загоне. Всё, что лежало по ту сторону Урала, являлось какой-то «terra-incognita», касаться которой пробовали лишь единичные писатели, да и то не из перво-классных. Даже самое понятие «Сибирь» невольно ассоциировалось по традиции в нашем сознании с понятием «каторга». Нужен был смерч революции, чтобы воочию убедить десятки тысяч русских людей, что в Сибири есть не только снега и песни каторжан.

¹⁴ Книга стихотворений вышла в 1932 г.: [19]. Сборник статей, насколько нам известно, остался неизданным; о нем Логинов говорил в интервью газете «Рупор»: «Прежде всего, в скором времени, я думаю издать сборник критико-библиографических статей, — говорит в ответ на наш вопрос, о его литературных планах, Вас. Логинов, — сборник этот будет носить название — “Ex libris” и содержать десять самостоятельных очерков о писателях и книгах. Весь материал его уже готов и дело только за изданием. Думаю, что с этой задачей я справлюсь скоро, и книга появится в самом недалеком будущем» [44, с. 222–223; 40].

И вот этому зауральскому своеобразному миру, пахучему, горячему, девственно-крепкому и девственно-страстному, посвящены лучшие из вещей Василия Логинова, объединённые им в большом и хорошо изданном сборнике под общим названием — «Ял-мал».

Уралец по рождению, В. Логинов не только чувствует сам до глубины суровую поэзию сибирской тайги и её первобытной жизни, но заставляет и своего читателя почувствовать их обаяние. Некоторые его страницы, в особенности посвящённые описаниям сибирской природы, местами звучат как стихотворения в прозе и «пахнут».

Здоровый пантеизм, напоминающий К. Гамсуна, вчувствование в голоса природы, некоторый налёт первобытной мистики, свойственный каждому, кто подолгу оторван от суетливого шума людских муравейников и поставлен лицом к лицу с величием девственного леса, — вот те основные нити, которые В. Логинов переплетает в лучших из своих вещей.

И сборник, несомненно, выиграл бы в целостности, если б автор не включил в него нескольких рассказов, стоящих в стороне от этих господствующих настроений по их тематике. Город и городские люди выходят у него бледными, неубедительными.

Большая повесть «Ял-мал», которой открывается книга, интересно задумана, но задание не выполнено до конца. Богатый этнографический материал, имеющийся в распоряжении автора, не везде творчески переработан и местами выступает отдельными вкраплениями, не слившимися органически с тканью повествования. Первая часть повести — путешествие по зимней тайге Северной Сибири, мистика северной ночи — дана выпукло и сильно, но окончание — в стиле социальных утопий — не оправдывает ожиданий. Вообще после романов-утопий Г. Уэллса путь утопических рассказов и повестей — путь очень опасный.

Рассказ «Басма» определённо насыщен чувством лесной, языческой древности, но по своей общей конструкции (городской человек встречает лесную колдунью, которая гибнет из-за любви к нему) близко напоминает благоуханную купринскую «Олесю». Мы далеки от мысли обвинять автора в заимствовании, но находим, что этот рассказ было несколько рискованно помещать в свой первый сборник, несмотря на его несомненные достоинства.

В «Американце» четко нарисован тип сибиряка-промышленника, однако финал рассказа (самоубийство) не кажется нам художественно-логичным. По ходу рассказа невольно ожидаешь, что человек такой стальной складки, как «американец» В. Логинова, никогда бы не сдался после разорения, а начал бы всё сначала, подобно герою

«Двенадцати дюжин» Джека Лондона. Если такой случай и произошёл в действительности, то автору не следовало бы забывать, что жизненные факты не всегда правдоподобны в искусстве, имеющем свои собственные и особые законы логики.

Очень хорош небольшой рассказ «Тройка». Он насквозь динамичен, целен и ярок. То же можно сказать об очерках «Сибирской охоты» и рассказах «Дитя природы» и «Очий камень».

В общем же как книга «Ял-мал» не только даёт большую гамму сибирских красок, без того неприятного сладкого «сюсюканья», которое характерно для произведений некоторых современных авторов, пишущих на сибирские темы, но по количеству оформленного материала является серьёзной работой вдумчивого и наблюдательного художника, прекрасно знающего и чувствующего и тот быт, и тот антураж, о котором он пишет. Многие страницы книги В. Логинова освежают и полны подлинной и здоровой поэзии [24].

III

Борис Курбский

Василий Логинов. Ял-Мал. Изд-во «Бамбуковая роща». Харбин. 1929 г.

Стр. 305. Цена не указана.

Книга рассказов В. Логинова «Ял-Мал», несомненно, должна остановить внимание читателя-сибиряка. Нельзя сказать, чтобы была удачна мысль автора озаглавить свои рассказы географическим названием сибирского полуострова¹⁵. Это многих может ввести в заблуждение и, по существу, совсем не отвечает общей тематической канве большинства помещенных в книге рассказов. Врубелевский пан на обложке, пожалуй, полнее отражает общий дух лучших Логиновских рассказов.

¹⁵ Фантастическое государство помещается у Логинова на полуострове, знакомом современному читателю как *Ямал* (*Я-мал*). Биогеограф и путешественник Б.М. Житков пояснял в 1909 г.: «На географических картах посещенный экспедицией полуостров называется обыкновенно Ялмал, что не вполне правильно. Точное самоедское название полуострова *Я-мал* — соединение слов *я* (земля) и *мал* (конец). Принятое в географии неправильное наименование произошло, вероятно, вот откуда. По-самоедски есть слово *яу*, которое мои переводчики переводили словом “речной”, а *Шренк* передает понятиями “устьевой” или “устье”; в Обдорском крае это слово прилагается по преимуществу к Оби. *Яу-мал* (искаженное в Ялмал) значит “конец” или “устье” реки, и этим названием самоеды обозначают устье Обской губы <...> [5, с. 18]. См. также: [5, с. 292–293].

Василий Логинов — писатель молодой, и при всем своем несомненном художественном даровании, он нередко поражает читателя какой-то небрежностью языка и примитивностью сравнений и образов. Некоторый профессионализм языка, свойственный долго работающим в газете, заметно сказывается на произведениях автора. Этим обстоятельством, надо полагать, и объясняется некоторая двойственность впечатлений от рассказов В. Логинова.

Действительно, наряду с такими рассказами как «Тройка», «Дитя природы», «Озеро Кучук», «Евразиец», «Сибирская охота», «Басма», написанных с прекрасным знанием среды и быта, мы встречаем надуманные, не лишённые, правда, некоторой сюжетной занимательности рассказы — «В самом себе», «Царство Ялмала» (где имеются прекрасные страницы описания зимней тайги), «Под конем», «Правда земли» и др. Несколько особо стоит и по-новому входят в сибирскую беллетристику «Американец», и повторяют наумовскую традицию¹⁶ рассказы из жизни золотопромышленников — «Золотой Самородок», «Очий камень», испорченный — данью времени — евразийской символикой. Остальные рассказы читаются не без интереса, но они лишены художественного стержня и тематически случайны («Киодай», «Наблюдательный японец» и прекрасно написанный рассказ — «Очарование»).

Первая книжка рассказов В. Логинова обнаруживает как достоинства, так и недостатки начинающего сибирского писателя. Он очень хорош в описании сибирской (таежной) природы; его охотничьи очерки не уступают лучшим образцам этой прозы. Здесь «Пан» действительно царит властно и реально, и некоторая риторичность фразы скрашивается чувством — всеохватывающей и природу, и человека — пантеизма.

Другое лицо автор выявляет в своих «абстрактных», символических рассказах. Но здесь он менее художник, более — публицист и фельетонист.

Интересно отметить в его рассказе (напр., «Американец»), появление в сибирской литературе «американца», крупного предпринимателя, с размахом и знанием насаждающего в таежной глуши — капитализм. Тип Лисицына, признающего «дело важнее человека», ибо «человек умрет, а дело будет жить» — новый и интересный в сибирской литературе.

¹⁶ Имеется в виду сибирский писатель-народник Николай Иванович Наумов (1838–1901).

Этим рассказом, при отличном знании этой среды и быта В. Логиновым, могла бы начаться новая страница, в преимущественно, до сих пор — крестьянской — сибирской литературе.

Заканчивая свою, по необходимости, краткую рецензию на книгу рассказов В. Логинова, мы не можем не выразить живейшего удовольствия, полученного нами от лучших рассказов автора и не пожелать ему в будущем более серьезно работать над своими произведениями (как в смысле языка, так и темы) [13].

IV

Василий Логинов

Из статьи «Тургеневская традиция»

Насколько все это благороднее, лучше, академичнее, образцовее по сравнению со «стилем» советских беллетристов.

У Осоргина, за последнее время, появились две книги: «Повесть о сестре» и «Чудо на озере»¹⁷.

Первая книга заслуживает особенного внимания. Эти особенные, мягкие, чисто тургеневские тона; полное отсутствие ударности, динамики, силы, фабулярности, — всего того, что стало модным в литературе последнего времени, все это производит совершенно особенное чарующее впечатление. Героиня повести Осоргина представляет из себя русскую женщину на рубеже двух эпох, двух столетий. Она необычайно талантлива, необыкновенно женственна, необычно красива. Но в ней нет и тени напряженной сексуальности, ничего от эротоманства. Она свободомысляща и культурна, семейная жизнь ее несчастлива; и все же она сумела как-то ее осмыслить, расцветить и создать себе новые прекрасные интересы. Быт прежних русских культурных людей, быт студенчества, колорит старой России, — как все это очаровательно, изящно и образцово сделано! Эта книга — драгоценный вклад в русскую академическую литературу, и именно в ней Осоргин проявил себя подлинным носителем тургеневской традиции.

Язык — прекрасен; образы — точно нарисованы пастелью; от всего веет какой-то старой русской изысканной барской культурой, которая так безжалостно растоптана и уничтожена за все эти проклятые годы.

¹⁷ Речь идет об изданиях: [26; 27].

«Чудо на озере» это сборник рассказов. Там такие же мягкие, задуманные тургеневские тона. Здесь иногда Осоргин проявляет себя как юморист. Но юмор его совершенно особенный. Это не есть юмор присяжного смехотворца, вроде Зоценки, это тот же самый тургеневский рассказ, в котором автор вздумал слегка улыбнуться. Осоргин вообще обо всем говорит чрезвычайно просто, и эта простота чрезвычайно убедительна.

«Рим был для нас лишь красивым звуком, а красивых звуков было вообще немало. Звуками, исполненными смысла и действительного значения, были такие имена, как Казань, Екатеринбург, в более далеких мечтах — Петербург и Москва»¹⁸.

Да, социальный заказ на тургеневскую традицию, зарубежный заказ, все время остро ощущался, и вот теперь начинаем успешно выполняться. И несомненно эти два писателя — наиболее русские из всех остальных, наиболее соответствующие высокому званию носителей и хранителей тургеневской традиции [16].

Литература

1. *Бердяев Н.* Основная антиномия личности и общества // Современные записки. 1931. № 47. С. 375–394.
2. *Бердяев Н.* Кризис искусства. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. 48 с.
3. *Весь Харбин на 1926 год: адресная и справочная книга.* Харбин: Тип. КВЖД, 1926. 882 с.
4. *Житков Б.М.* Краткий отчет о путешествии на полуостров Ямал (Читано в Общем собрании И.Р.Г.О. 19 февр. 1909 г.). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 20 с.
5. *Житков Б.М.* Полуостров Ямал: с 2 картами и 18 рисунками в тексте. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 349 с.
6. *Зарубежная деятельность сибиряков (Анкета) // Вольная Сибирь: литературно-общественный и экономический сборник.* Прага: О-во сибиряков в ЧСР, 1930. № 9. С. 117.
7. *Иващенко Е.Г.* Опыт социальной прогностики в литературе русского Китая // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. научных работ. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. Вып. 2: Литературоведческая россика. С. 85–90.
8. *Капинос Е.В., Лоцилов И.Е.* Кнут Гамсун в Сибири // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 315–336.
9. *Капитан Кук [Логинов В.С.].* Харбин в стихах (Бытовые картинки). Харбин: [Б. и.], [1926/1927?]. 34 с.
10. *Книги, полученные для отзыва // Возрождение.* 1931. Т. 6. № 2067. 29 января. С. 4.

¹⁸ Логинов цитирует открывавший сборник Осоргина рассказ «Земля»: [27, с. 21].

11. Книги, полученные для отзыва // Сегодня. 1931. № 34. 3 февраля. С. 8.
12. *Кротова М.* Харбинские «понедельники» // Словесница искусств. 2018. № 1 (41). С. 119–123.
13. *Курбский Б.* [Рец. на:] Василий Логинов. Ял-Мал. Изд-во «Бамбуковая роша». Харбин. 1929. Стр. 305. Цена не указана // Вольная Сибирь: литературно-общественный и экономический сборник. Прага: О-во сибиряков в ЧСР, 1930. № 9. С. 146.
14. *Логинов В.* Царство Ял-Мал // Зауральский край. 1918. № 13. 11 августа С. 1; № 19. 18 августа. С. 1–2; № 26. 28 августа. С. 1; № 32. 5 сентября. С. 1; № 36. 10 сентября. С. 1–2.
15. *Логинов В.* Ял-Мал. [Рассказы]. Харбин: Бамбуковая роша; Худож. тип. Г. Сорокина, 1930 [1929]. 307 с.
16. *Логинов В.* Тургеневская традиция // Гун-Бао. 1931. № 1356. 17 мая. С. 2.
17. *Логинов В.* Памяти Л.И. Петражицкого // Гун-Бао. 1931. № 1365. 29 мая. С. 2.
18. *Логинов В.* «Современные записки» // Гун-Бао. 1931. № 1384. 21 июня. С. 6.
19. *Логинов В.* Створа триптиха. Харбин: [Б. и.], 1932. 49 с.
20. *Логинов В.* Врубель // Рубеж. 1944. № 20. С. 1–10.
21. *Логинов В.* Царство Ял-Мал // Литература русских эмигрантов в Китае: в 10 т. Пекин: Китайская молодежь, 2005. Т. 9: Вялые лепестки розы / сост. Ли Янлен. С. 235–273.
22. *Логинов В.* Царство Ял-Мал: <в сокращении> // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Хрестоматия: в 4 т. Благовещенск: Изд-во АМГУ, 2013. Т. 1: Проза: в 3 ч. Ч. 2: Л–П. С. 69–92.
23. *Лоцилов И.Е.* Харбинский поэт Василий Логинов и его «масленичные» стихи // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 294–317.
24. *М.Щ.* [Щербаков М.В.] [Рец. на:] Василий Логинов. «Ял-Мал». Рассказы. Харбин, 1930 // Понедельник: Журнал Содружества русских работников искусства. 1931. № 2. Декабрь. С. 167–168.
25. Материалы к творческим биографиям харбинских литераторов: по страницам эмигрантской периодики / сост., подгот. текстов и примеч. Г.В. Эфендиевой // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. научных работ. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. Вып. 5: Проблемы источниковедения и текстологии / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. С. 226–266.
26. *Осоргин М.* Повесть о сестре. Париж: Современные записки, 1931. 190 с.
27. *Осоргин М.* Чудо на озере. Париж: Современные записки, 1931. 204 с.
28. *Перелешин В.* Конец Алексея Ачаира // Новое русское слово. 1972. Т. LXII. № 22825. 10 декабря. С. 5.
29. *Перелешин В.* Поэма без предмета. Холиок: Нью Ингланд Паблишинг и К°, 1989. 411 с.
30. *Проскурина Е.Н.* Литература восточной эмиграции в журнале «Русские записки»: к проблеме несостоявшегося диалога // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 116–129. DOI: 10.17223/18137083/69/10
31. *Рачинская Е.* Замолкнувшие голоса: О харбинских поэтах // Новое русское слово. 1959. № 16737. 15 января. С. 2.
32. *Савченко Т.К.* «Русский остров»: Харбин как феномен русской эмиграции // Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический

и методический аспекты: Материалы Межд. научно-практич. конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVII Кирилло-Мефодиевские чтения», 24 мая 2016 г. М.; Ярославль: Ремдер, 2016. С. 345–353.

33. *Сентянина Е.* Харбинские писатели и поэты (1940) // Рубеж. 1940. № 24. 8 июня.
34. *Сокольский В.* [Рец. на:] Василий Логинов. «Ял-Мал». Харбин. 1930 г. Рассказы // Рубеж. 1930. № 13. 22 марта. С. 20.
35. Список ном<ер> 3, книг, поступивших в библиотеку при газете «Возрождение», после выхода основного каталога // Возрождение. 1931. Т. 6. № 2093. 24 февраля. С. 6.
36. Список новых книг, поступивших для отзыва в редакцию // Современные записки. 1927. Вып. XXXII. С. 503.
37. Список новых книг, поступивших для отзыва в ред<акцию> «Соврем<енных> записок» // Современные записки. 1931. Вып. XLV. [С. 543].
38. Справочник по С<еверной> Маньчжурии и КВЖД. Харбин: Изд. Экономич. Бюро КВЖД, 1927. 608 с.
39. *Таскина Е.* Василий Степанович Логинов // Русская Атлантида. 2001. Вып. 6. С. 73–74.
40. Что пишут харбинские писатели: Наше интервью // Рупор. 1930. № 201. С. 4.
41. *Шатин Ю.В., Силантьев И.В.* Поэтика утопии vs антиутопии в прозе В.С. Логинова // Новый филологический вестник. 2022. № 4 (63). С. 276–284. DOI: 10.54770/20729316-2022-4-276
42. *Шатин Ю.В., Силантьев И.В.* Мифопоэтика Сибири в творчестве В.С. Логинова // Новый филологический вестник. 2023. № 3 (66). С. 240–250. DOI: 10.54770/20729316-2023-3-240
43. *Штерн О.* О дальневосточных писателях // Багульник: Литературно-художественный сборник. Харбин: [Б. и.], 1931. Кн. 1. С. 186–187.
44. *Эфендиева Г.В.* Книжные автографы писателей русского Китая // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: сб. материалов междунар. научно-практической конференции / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2013. Вып. 10: Этнокультурные процессы в политическом контексте. С. 306–322.
45. *Эфендиева Г.В.* Дальневосточные писатели-эмигранты о себе и творчестве коллег: статьи, рецензии, воспоминания // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. научных работ. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017. Вып. 7: Культура и литература дальневосточной эмиграции в архивах, письмах, воспоминаниях / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. С. 211–245.
46. *Якобсон Е.А.* Пересекая границы: Революционная Россия — Китай — Америка / пер. с англ. и коммент. Е.Ю. Дорман. М.: Русский путь, 2004. 244 с.